

ЯПОНИЯ: ВНОВЬ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ?

© 2003 г. С. Чугров

Проблема политической идентичности нации уже давно заставляет скрещивать копыта социологов, политологов и всех, кого интересуют проблемы мироустройства. Глобализационные процессы лишь подстегнули старые споры, поскольку действуют мощные силы унификации, по сути размывающие традиционную идентичность. Можно согласиться с Александром Неклессой, который, например, отмечает, что “под влиянием массовой культуры и прочей феноменологии массового общества модель поведения большей части человечества заметно унифицируется, уплотняется и подчиняется стереотипам...”¹. В этой ситуации реально возникают проблемы пересмотра или защиты политической идентичности нации перед натиском унификации. Однако унифицирующему воздействию универалистских стереотипов противостоят стойкие национальные (этнические) стереотипы, представляющие собой неотъемлемую часть национального сознания и основу самоидентификации.

Проблема идентичности охватывает ценности и символы. Сам термин “идентичность” используется в западной литературе в разных смыслах. Обычно выделяют два контекста. В Соединенных Штатах этот термин “политика идентичности” (politics of identity) вошел в обиход для обозначения курса этнических и других меньшинств, направленного на самоутверждение. В другом контексте термин “идентичность” употребляется по отношению к странам и группам, которые определяются в смысле этнической, религиозной принадлежности или национальной гордости². Именно последняя из перечисленных позиций рассматривается в этой статье.

Многие исследователи трактуют самоидентификацию с помощью этнических (или национальных) стереотипов и автостереотипов, чем долгое время увлеченно занимался автор. Суть проблемы постигается более полно, если проводить ана-

лиз на терминологическом поле ценностей и аттитюдов³. Некоторые ученые, главным образом географы, полагают, что картина мира и, главное, собственное место в этой картине, осознаются через политико-географические образы стран или регионов⁴. Примерно то же самое подразумевают исследователи, оперирующие понятием геополитических кодов (устойчивых внешнеполитических ориентаций, не зависящих от политической конъюнктуры в пределах длительного исторического периода)⁵. Есть школы, которые предпочитают делать упор на аттитюды, или ценностные установки (то есть нормы отношения к нормам). Но, в данном контексте, если отойти от чисто терминологических отличий, речь идет об одном и том же. Главное – это то, что люди должны добровольно идентифицировать себя с теми ценностями и символами, которые определяют идентичность. Здесь по аналогии можно вспомнить максиму, неоднократно приводимую в литературе, общий смысл которой сводится к тому, что в обществе не будет закона и порядка, если закон, даже самый лучший, не живет в душах людей.

В принципе, все исследователи сходятся в том, что национальная и политическая идентификация происходит лишь в процессе взаимодействия с объектами, обладающими иными, отличными от субъекта, характеристиками (“мы” – “другие”). Вопрос идентификации встает, как правило, в ситуации, когда происходит давление “чужих” ценностей. Если такое взаимодействие достигает интенсивности столкновения ценностей, то тем более интенсивно и болезненно (но, вместе с тем, и более определенно) протекает процесс идентификации. Если же система отвергает что-либо из чужого набора ценностей, то вступают в действие закономерности, которые хотелось бы для наглядности обозначить термином “ксенот-

ЧУГРОВ Сергей Владиславович, кандидат исторических наук, зам. главного редактора журнала “МЭиМО”, зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО (У) МИД РФ.

Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект N 03–03–00227).

¹ Неклесса А. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей // Pro et Contra. Т. 7. № 4. (осень 2002). С. 9.

² См.: Cerutti F., Enno R. A Soul for Europe. V. 1. Leuven, 2001. P. 2–3.

³ См.: Чугров С.В. Россия и Запад: Эволюция взаимовосприятия (гл. 1). М., 1993; *Diligenskiy G., Tchugrow S. Der “Westen” im russischen Bewußtsein.* Köln, 2000.

⁴ См.: *Замятин Д.Н.* Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Полис. 1998. № 6. С. 80–92.

⁵ См.: *Колосов В.* «Низкая» и «высокая» геополитика: образы зарубежных стран в представлениях российских граждан // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 33–51.

рансплантация” (изначально в медицине – отторжение инородной ткани). Институциональные и ценностные “трансплантанты” с чужой “группой крови” отторгаются политической системой.

И Россия, и Япония относятся, как мы уверены, к категории стран с высокими адаптационными способностями: они способны усваивать и приравливать к своим ценностным системам заимствуемые ценности.

ТРИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

В истории Японии (как и России) были периоды трансформации массового сознания, когда проблема самоидентификации становилась ключевой, поскольку обеим странам пришлось пережить периоды полной или частичной изоляции от внешнего мира. Страна восходящего солнца находилась почти в полной самоизоляции на протяжении трех веков – в период до “открытия страны”, то есть до 50-х годов позапрошлого века. Во внешнеполитическом менталитете японцев сложился своеобразный стойкий “изоляционистский комплекс”.

В различные периоды своей истории Япония по меньшей мере трижды оказывалась перед необходимостью уточнять свою идентичность. И каждый раз это происходило в периоды интернационализации, которые сопровождались давлением “чужих” ценностных систем на традиционные нормативные системы японцев. “Первая интернационализация” в виде реформ Мэйдзи пришлась на вторую половину XIX в. и кардинально преобразила политический ландшафт японского общества. Прошла кардинальная европеизация японской институциональной системы, причем стране удалось сохранить все основные черты своей самобытности.

Перед вызовами “второй интернационализации” страна оказалась сразу же после Второй мировой войны и продолжалась вплоть до начала 70-х годов, увенчавшись феноменом “японского экономического чуда”. Ее характерной особенностью стала послевоенная американская оккупация. “Вторая интернационализация” Японии – примечательный пример навязывания институциональной структуры обществу, которое все же проявляет фантастическую способность “переварить” нововведения и полностью сохранить свою идентичность.

Проходящая на наших глазах “третья интернационализация” Японии стартовала в конце минувшего века. Увы, Япония оказалась одновременно в ситуации экономического кризиса и перед необходимостью противостоять вызовам глобализации, к которым она была не очень готова. В очередной раз в своей истории Япония оказалась перед проблемой приспособления к новому

проникновению западных ценностей и сохранения своей идентичности.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Итак, японская внешнеполитическая мысль вновь стоит перед проблемой самоидентификации. В случае Японии нет особой проблемы с этнической идентификацией: как известно, японцы – одна из самых гомогенных наций в мире. Социальное расслоение также не столь существенно, как в некоторых странах Запада, поскольку основу общества составляет опять-таки довольно гомогенный средний класс. Следовательно, агрегированные результаты опросов общественного мнения достаточно адекватно воспроизводят ценностные ориентации всего социума.

Ключевая политическая проблема, перед которой сейчас стоит японское общество, заключается в следующем: претендовать ли на максимально привилегированный статус в международном сообществе, сравнимый со статусом “великих держав”, или удовольствоваться более скромной ролью региональной державы?

Интересно, что в тот период, когда перед японским обществом стояла задача обеспечить высокие темпы экономического роста, усиливалась и его психологическая потребность в международном признании особой роли страны в мире. В японском социуме тогда закрепились системы националистических стереотипов. Сейчас, когда страна достигла высокого уровня процветания, крайне редко можно услышать из уст японцев нечто вроде претензий на великодержавный статус. То есть по мере роста удовлетворенности уровнем жизни, националистические амбиции слабнут.

С одной стороны, Япония занимает прочное место в клубе наиболее развитых индустриальных держав, во многих международных организациях, и обсуждается вопрос о приглашении ее на место постоянного члена Совета Безопасности ООН. С другой стороны, градус общественного настроения в обществе далеко не столь высок, чтобы эффективно поддерживать статусные притязания.

В данном контексте два конкретных вопроса представляются японцам особенно важными – это изменение конституции и роль страны в урегулировании международных конфликтов. Оба вопроса сводятся к военно-политической составляющей – быть Японии военной державой или нет. С одной стороны, в национальном сознании с XIX в. закрепились формулы *фукоку кёхэй* (богатая страна – сильная армия). С другой стороны, мы уверены, что после Войны на Тихом океане вторая половина формулы (сильная армия) почти утеряна. По всем опросам общественного мне-

ния, японское население испытывает аллергию к идее милитаризации страны.

Совсем не все однозначно обстоит и с отношением японского общественного мнения к возможному превращению страны в постоянного члена Совета Безопасности ООН. Общество по этому вопросу весьма поляризовано: довольно стабильное большинство японцев (около 70%) выступает за то, чтобы страна стала постоянным членом Совета Безопасности, но при условии, что она не должна брать обязательства участвовать в боевых операциях за пределами Японии. Противники постоянного членства в СБ, не будучи столь многочисленными, тем не менее, весьма активны, стремясь ликвидировать конституционные ограничения. Проблема превратилась в общенациональную уже более 15 лет назад.

За последние два десятилетия постепенно обозначился кардинальный сдвиг в национальном сознании. На политико-культурологической конференции по проблемам идентичности, которая проходила в 1985 г. в Университете Кэйо, приводились данные о том, что японцы предпочитают воспринимать свою страну как “маленькую”⁶. Со временем социологи и политические аналитики стали все чаще ссылаться на такие показатели, как стабильность, уровень жизни, экологическая безопасность, сравнивая Японию, например, со Швейцарией или со Швецией⁷.

В японском обществе отмечаются два противостоящих друг другу феномена. Один из них заключается в том, что японцы все более ощущают себя не только подданными своей страны, но и гражданами Азии и мира. Другой указывает на замыкание общества на себя, на стремление обустроить свою “маленькую” и “уютную” Японию и не гнаться за “великодержавным фантомом”. Обе тенденции вполне гармонично сочетаются друг с другом.

Многие японские исследователи пишут об определенной замкнутости японского общества, делающей Японию “страной, в которой трудно жить иностранцам”⁸. Действительно, невзирая на довольно прочную встроенность в экономическую и политическую инфраструктуру современного мира, страна парадоксальным образом сохраняет элементы некоторой психологической закрытости, унаследованной из прошлого. Эти элементы ни в коем случае не следует драматизировать: миф об изоляционистской Японии” при

сколько-нибудь тщательном анализе рассыпается, как карточный домик. Но, естественно, как и любой миф, он основан на вполне конкретных исторических реалиях. Все еще в национальном внешнеполитическом сознании присутствуют рудименты “островного мышления”.

На японское внешнеполитическое сознание серьезное влияние оказывает социально-психологический конфликт между этноцентрическими (иногда даже с налетом ксенофобии) аттитюдами, которые традиционно считаются присущими японской цивилизации⁹. В академическом сообществе, а также в прессе приводится множество доводов в пользу тотальной открытости Японии, хотя в последние годы такого рода аргументы стали звучать несколько реже. Очевидно, сила натиска “чужих ценностей” в ходе нарастания процессов глобализации прямо пропорциональна сопротивлению.

ОГРАНИЧИТЕЛИ ДЛЯ АМБИЦИЙ

Обозначенный конфликт между стремлением к открытости по отношению окружающему миру и неискоренными симптомами закрытости – это одна из серьезнейших причин некоторой пассивности и реактивности японской внешней политики.

Известная реактивность японской внешней политики, ставшая своего рода константой политического поведения, связана, может быть, с историческими прецедентами. Если внимательно проанализировать новейшую историю, Токио всегда старался быть в близкой связке с мировым гегемоном, активно претендуя на роль союзника, который, однако, довольствуется подчиненным статусом.

Весьма примечательно, что Япония обычно не ошибалась в выборе партнера (за исключением, на наш взгляд, союза с Германией и Италией накануне Войны на Тихом океане).

В Токио, как правило, умели выдержать паузу. Однако нельзя не отметить еще одну немаловажную закономерность исторического развития: младший партнер, а не противник, очень часто в истории оказывался гегемоном. В XVI в. на морях доминировала и создавала свою колониальную империю Португалия, которой бросила вызов Испания. Но не Испания, взявшая верх над португальскими соседями в XVII в., оказалась гегемоном, а Голландия, завоевавшая независимость от Испании и унаследовавшая португальское морское владычество. Именно на это время и приходятся первые активные контакты Японии с Европой и первые прозрения в области европейского

⁶ См.: Адзия то Нихон: киндайка-э-но мити то айдэнтити-о мотомэтэ (Азия и Япония: в поисках пути к модернизации и идентичности). Токио, 1985. М. 67.

⁷ См.: Ито М., Миямото К. 21 сейки-но сэкай то Нихон (Мир XXI века и Япония). Токио, 1995. С. 196.

⁸ См., например: Комаи Х. Нихон-но гайкокудзин имин (Иностранная иммиграция в Японию). Токио, 1999. С. 219–226.

⁹ См.: The Internationalization of Japan. Eds. Hook G. and Weiner M. London, Routledge, 1992. P. 3.

ноу-хау той эпохи, называвшегося по-японски *рангаку*, то есть “голландской наукой”. Еще в период прибытия первых миссионеров Япония акцентировала особый статус Голландии, самой мощной европейской морской державы.

Когда звезда Нидерландов закатилась, Япония вступила в период внешнеполитического лавирования, так как в мире не было признанного гегемона. В результате соперничества в Европе, гегемонии добилась отнюдь не Франция, которая бросила вызов Голландии, а Великобритания, которая вела изнурительную войну с Францией вместе с Голландией. В результате, уже накануне Первой мировой войны, Япония оформила союзнические отношения с Великобританией, которая стала прочно доминировать на просторах Мирового океана.

В 30-х годах прошлого столетия, когда Германия бросила вызов Великобритании в борьбе за мировое господство, Япония вступила в союз с державами “оси”, ошибочно положившись на военную мощь германского вермахта. Однако страной, которая достигла гегемонии в результате двух мировых войн, стала не мощная Германия, а окрепший заокеанской союзник Великобритании – Соединенные Штаты (а также, в известном смысле и Советский Союз). Поверженная Япония оказалась полностью в орбите американской геополитики и до сих пор является ближайшей союзницей Вашингтона. Гипотетически можно предположить, что Токио может оказаться младшим партнером Пекина, если Китай когда-либо станет явным мировым гегемоном. Однако сейчас делать какие-либо прогнозы на эту тему явно преждевременно, ибо перспективы будущего баланса сил еще весьма туманны¹⁰.

И все же из этого краткого исторического экскурса можно сделать важный вывод о том, что традиционные амплуа Японии – быть младшим и максимально близким партнером мирового гегемона.

Есть и еще ряд причин, ограничивающих амбиции тех японских политиков, которые предрекли создание к XXI в. *Rax Nipponica*.

Глубокая рецессия, начавшаяся еще более десяти лет назад, стала одним из наиболее существенных препятствий для глобальных притязаний, лишила прежней актуальности задачу повышения международного статуса и заставила руководство страны сконцентрироваться на внутренней политике, прежде всего на экономике и финансах. Но возрождение былых амбиций не

исключено, если общество окажется перед задачей осуществления нового экономического прорыва и в отношении этой цели сложится общественный консенсус.

Порой возникает впечатление, что Япония может, но не хочет, открыто прилагать усилия в соперничестве за “господствующие высоты” в мировой политике. Если она и не мечтает о мировой гегемонии в XXI в., то вправе претендовать на видное региональное положение, но при одном непременном условии – признании доминирующего влияния США (в ближайшей перспективе) или Китая (в перспективе более отдаленной).

СЦЕНАРИИ

НОВОГО ЯПОНСКОГО СТАТУСА В МИРЕ

В контексте проблемы самоидентификации Японии богатую почву для размышлений дает один из докладов Сэма Хантингтона, сделанный в Университете ООН в Токио. Ученый, ссылаясь на аналогии в европейском геополитическом развитии, выделяет четыре возможных сценария, способных определить место Японии в мира – “британский”, “французский”, “швейцарский” и “германский”.

“Британский” сценарий подразумевает целенаправленное упрочение союзнических отношений с Вашингтоном, как это последовательно делает Великобритания. По сути, таков нынешний тип развития японо-американских отношений. Различие лишь в том, что Япония не имеет таких культурных и эмоциональных уз с США, как, например, с Китаем. Дальнейшее интенсивное укрепление связей Японии с США может восприниматься в Азии как направленное против Китая. Обострение любой проблемы, например, тайваньской, чревато подталкиванием Японии к грани конфронтации, которой она определенно стремится избежать.

“Французский” сценарий предполагает, что Токио сделает ставку на союз с Китаем. Аналогия довольно красноречива: Франция была вовлечена в три опустошительные войны с Германией за период менее века и, наконец, установила отношения тесного партнерства с ней, позволившие фактически определять развитие Западной Европы. Как отмечалось выше, Япония склонна играть роль младшего партнера, вступая в союз со странами, располагающими возможностями для установления гегемонии. Однако, несомненно, сближение с Китаем означало бы резкое свертывание контактов с США.

“Швейцарский” сценарий имеет целью трансформацию Японии в “азиатскую Швейцарию”, небольшую страну, нейтралитет которой уважается всеми соседями, включая крупные державы.

¹⁰На эти различные исторические аспекты политического поведения Японии обращали внимание в своих лекциях и публикациях некоторые японские и американские политологи (например, Такаси Иногути, а также гарвардские профессора Сэм Хантингтон и Роберт Кохейн, с которыми автору довелось обсуждать эти проблемы).

“Германский” сценарий отводит Японии активную роль в азиатской дипломатии на основе развития отношений сотрудничества по всем азиатским, со всеми крупными и менее крупными государствами региона и взятия на себя функций посредника при улаживании региональных конфликтов. Таким образом, она уподобилась бы Германии, которая установила в равной степени конструктивные и дружеские отношения с США, Англией, Францией и Россией. Правда, не совсем ясно, могла бы Япония проводить такого рода политику на китайском направлении в случае, если влияние КНР значительно возрастет.

Место Японии, можно согласиться с Хантингтоном, будет определяться тем, какой из описанных выше вариантов она выберет. Сложность состоит в том, что японское руководство стремится максимально оттягивать тот момент, когда этот выбор необходимо будет сделать окончательно и бесповоротно¹¹.

Сейчас национальное сознание Японии не столько расколото, сколько аморфно и, главное, инертно. Наиболее близок к завоеванию национальных симпатий “швейцарский вариант”, своего рода японский проект, основанный на идеях:

- социального государства;
- экологических приоритетов;
- гармонии общественных отношений;
- пацифизма и постоянного нейтралитета.

Все эти ценности довольно прочно укоренены в японском политическом сознании. В 80-х годах серьезной политической силой, которая наиболее активно стремилась продвигать проект японского социального государства, были так называемые “новые религии” (*син сюкё*), которые имеют в стране статистически значимое число адептов и выдвигают различные концепции восточноазиатской “земли обетованной”, основанной на материальном процветании и социальной гармонии. Эти концепты не должны восприниматься как обладающие налетом примитивного расизма или национальной исключительности. Они, тем не менее, могут квалифицироваться как миссионерские, с претензией на “особый путь” Японии в мире, учитывающей статистику экспорта японского капитала и поп-культуры¹².

Однако идею “японского социального государства” в качестве примера для заимствования другими странами региона скорее всего можно отнести к разряду утопических проектов, чему есть ряд серьезных причин, и в первую очередь японский экономический кризис. Также можно предположить, что именно под воздействием на-

растания процессов глобализации не следует ожидать закрепления некой “особой модели” восточно-азиатского общественного устройства, прототипом которого являлась бы Япония. Хотя, конечно, она по-прежнему остается примером решения отдельных задач социального устройства.

ЯПОНИЯ И “ДРУГИЕ”

Япония не слишком разительно отличается от западных стран в смысле институционального политического устройства. Однако, совершенно очевидно, она относится несколько более болезненно к своей идентичности в силу упомянутых выше исторических причин. Не упоминая признанную специфику японских традиций, в интеллектуальном плане Япония несколько противоположена Европе, основному источнику теоретический идей модерна и универсализма. В политическом смысле она близка, но одновременно и противопоставлена Соединенным Штатам, откуда заимствованы главные принципы современной политической и экономической организации общества. Социокультурный и исторический “другой” – Китай, с которым когда-то существовало противостояние, имевшее целью закрепить автономный статус японского языка, религиозных принципов и социальных отношений, и ныне выступающий в роли потенциального соперника.

Судя по многочисленным опросам общественного мнения, среди стран, которые представляют собой “зеркало” для Японии, наиболее видное место занимают Соединенные Штаты, затем следуют азиатские соседи, прежде всего Китай, Россия и Корея, потом Европа и, наконец, остальные регионы мира. Такого рода иерархия в послевоенный период была довольно прочной.

Однако глобализация несет с собой некое смещение былых иерархических структур: весь мир становится близким. На переосмысление японской идентичности оказывают влияние “слоистая” структура нескольких геополитических конфигураций Азиатско-Тихоокеанского региона. Во-первых, это военно-политический союз с США. Во-вторых, это соперничество США, России и Китая в регионе. В-третьих, “четырехугольник” интеграционных устремлений старых и новых экономических лидеров – Японии, США, НИС–АСЕАН, а также Китая¹³. Уже по причине весьма существенных различий в идентичности и политических целях стран, входящих в эти геополитические фигуры, японская идентичность испытывает разновекторное давление.

¹³Несколько иная конфигурация анализируется в книге: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. С. 302.

¹¹См.: Huntington S. Japan's Role in Global Politics // International Relations of the Asia-Pacific. V. 1. 2001. № 1. P. 141–142.

¹²См.: Clammer J. Japan and Its Others. Melbourne, 2001. P. 44.

Анализ множества источников и литературы приводит к выводу, что Япония готова удовлетворять ролью регионального лидера. Но и на этом пути предстоит преодолеть определенные трудности, учитывая, прежде всего, страх государств региона перед японской гегемонией (об этом чуть ниже).

СООТНОШЕНИЕ РЕГИОНАЛИЗМА И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Концепция азиатского регионализма была сформирована еще в период “первой интернационализации”. По сути, нынешние принципы поведения на этапе глобализации, а именно – балансирование между глобализмом, носящим окраску американизации, и азиатским регионализмом – сложились еще в конце XIX в., то есть в период Мэйдзи. По утверждению английского японоведа Г. Хука, сегодня “трехсторонняя связь между Японией, Соединенными Штатами и Восточной Азией символизирует характер глобализации в этом регионе. Он включает как глобализацию Соединенных Штатов в Японии и Азии, так и глобализацию Японии в Азии”¹⁴. Причем роль Японии, которую она играет сегодня в Восточной Азии, по-прежнему тесно связана с ее ролью на глобальном уровне, и наоборот.

То есть надо пояснить: является ли Япония объектом глобализации или ее субъектом? Ответ может показаться, на первый взгляд парадоксальным: Япония – и объект и субъект глобализации. Она, испытывая давление американизации, является объектом, и, несколько трансформировав заимствованные ценности, выступает в роли субъекта глобализации, передавая их в адаптированном виде азиатским странам.

Влияние глобализации на общественное сознание сказывается довольно заметно: наряду с традиционными дискуссиями об уникальных чертах японской культуры, языка, методов коммуникации приобретают большую актуальность обсуждение проблемы места страны в мире, которая часто представляется как своего рода оппозиция тому мировому порядку, который стремятся построить Соединенные Штаты. То есть рождается новый своеобразный вариант японского изоляционизма.

Термин “изоляционизм” употребляется здесь весьма условно и выступает как чисто идеологическая концепция, нежели отражение реальности, поскольку японская бытовая техника и еда завоевали симпатии по всему миру, японские автомобили можно увидеть на дорогах любой страны, японские телепрограммы и комиксы популярны во многих странах Юго-Восточной Азии.

Вместе с тем, парадоксальным образом современная японская модель едва ли может быть заим-

ствована другими странами региона. Она слишком специфична. В экономическом плане японская модель базируется, прежде всего, на способности сочетать воедино те качества, которые западные страны привыкли разделять: например, Япония прекрасно усвоила и усовершенствовала корпоративистские структуры, основанные на переплетении вертикальных и горизонтальных связей. Японцы пользуются всеми преимуществами глобальной информационной сети, но в то же время доступ к японским банкам данным ограничен в связи с изолирующей функцией японского языка, недопустимого для большинства пользователей.

Есть и ограничители другого рода. Столь естественная для восточного корпоративизма апелляция к конфуцианским ценностям вряд ли может стать основой японского партикуляризма и влияния на соседние государства. Во-первых, они явно китайского происхождения, а во-вторых, эта концепция вполне эксплицитно сохраняется если не в континентальном Китае, то уж, во всяком случае, в среде хуацяо по всему свету. Японцы – признанные лидеры-путешественники, но они не имеют ничего сравнимого с китайскими очагами национальной культуры за пределами своей страны¹⁵.

Наконец, удивительным образом сказывается историческое наследие, имидж агрессивной державы, который сохраняется у Японии в странах ЮВА. Дискуссии, касающиеся использования вооруженных сил за рубежом Японии, вызывают резко нервическую реакцию у государств региона. Это происходит, несмотря на подчеркнутый низкий уровень военных расходов, жесткие ограничения, налагаемые конституцией страны на использование вооруженных сил за рубежом, и извинения, принесенные японскими лидерами. Судя по многочисленным опросам общественного мнения, такая реакция стран региона, в свою очередь, вызывает недоумение, и даже протест, у многих японцев. Очевидно, японское общественное мнение недооценивает прочность стереотипов. Мнение о стране складывается из представлений, восходящих к более ранним периодам ее истории. Это мнение унаследовано от стереотипов, сложившихся в сознании предыдущих поколений стран, которые подверглись агрессии. На него в немалой степени оказали влияние спекулятивные маневры политических элит этих стран, старавшихся заработать политический капитал. В результате Японии все чаще приходится сталкиваться с проблемами преодоления былого изоляционистского мышления, демонстрируя в то же время “пассивную и реактивную природу японской внешней политики”¹⁶.

¹⁵См.: Clammer J. Op. cit. P. 44–47.

¹⁶Сато Х. Тайгай сэйсаку (Внешняя политика). Токио, 1989. С. 14–30.

¹⁴The Political Economy of Japanese Globalization. N.Y.–L., 2001. P. 5.

Политическое наследие, которое досталось Японии после завершения Второй мировой войны, заставило ее пойти по пути тотальной экономической трансформации, отодвинув задачи внешней политики и безопасности на второй план. Нарастающая с каждым годом зависимость страны от экспорта заставляет Токио избегать конфликтных или конфронтационных отношений с другими государствами. Именно этим обстоятельством многие японские политологи объясняют отсутствие достаточной определенности и прямолинейности во внешней политике.

Помимо этого, устоявшаяся традиция принятия политических решений путем достижения консенсуса затрудняет переход к смелым и быстрым действиям, которые могли бы нарушить баланс (или зачастую иллюзию баланса) национальных интересов. В этом коренное отличие от США, которые, наоборот, в любой ситуации стремятся проводить прямолинейный и наступательный политический курс, пытаясь спроецировать свои ценности на остальной мир, объявляя их универсальными.

Токио, как правило, старается осторожно аранжировать свою позицию в соответствии с американскими требованиями, часто ожидая от Вашингтона, что он будет в свою очередь также принимать во внимание и японские интересы. Понятно, что отсутствие адекватной реакции вызывает чувство обиды и нескрываемое разочарование в Японии. Тем не менее, различия в геополитическом коде сказываются в том, что в Вашингтоне сложилось впечатление, будто Токио предпочитает ничего не делать без внешнего прессинга. Очевидно, эта тенденция будет сохраняться и, возможно, нарастать в будущем.

Очевидно, “пассивный и реактивный стиль” японской внешней политики является своего рода почти константой, если и подверженной каким-либо изменениям, то очень медленным. Вектор таких изменений обрисовался уже более 10 лет назад. Иракское вторжение в Кувейт в августе 1991 г. обнажило давно зревшее недовольство США и их союзников тем, что они считали нежеланием Токио брать на себя бремя ответственности в разрешении глобальных политических кризисов. Япония ограничилась выплатой 4 млрд. долл. на операцию по усмирению Ирака, тогда как США вкладывали по 100–200 млн. долл. ежедневно в ходе подготовки и более 1 млрд. ежедневно во время проведения самой операции.

В июне 1992 г. Япония завершила ввод в действие законодательства, допускающего направление вооруженных сил за рубежи страны для участия в операциях ООН. С 1993 г. страна участвует в акциях ООН по поддержанию мира в Камбодже и в других регионах¹⁷. Очевидно, в ближайшем

будущем Япония не будет принимать участия в любых военных акциях, кроме операций ООН, и постарается придерживаться традиционной политики в области безопасности, которая основывается на трех китах – “американо-японской системе безопасности, способности Японии к самообороне и дипломатии, направленной на сохранение стабильных международных отношений”. Эта дипломатическая активность, как считают многие японские политологи, будет все более приобретать форму многосторонних усилий, например, в рамках ООН, Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества или Форума по безопасности АСЕАН.

Японии, видимо, потребуется время, чтобы постепенно отойти от “доктрины Йосида”, провозглашавшей необходимость самоограничения во внешней политике с целью концентрации сил на экономическом развитии. Несмотря на ряд весьма позитивных результатов, страна стала своего рода колоссом на глиняных ногах и получила обидное прозвище “экономического животного”, оставаясь “политическим пигмеем”¹⁸. Однако, отметим, время играет на Японию: роль военной мощи в мировой политике подорвана, чему, в частности, способствовало окончание холодной войны и не самые убедительные результаты борьбы с терроризмом только силовыми методами. Концентрация Японии на экономических целях тем самым получает большую легитимизацию.

Япония способна сделать важным элементом своей идентичности модель “торгующего государства”, если только сможет избавиться от меркантилистского имиджа. Лозунг “Продвижение демократизации и мира посредством экономического роста” призван, видимо, стать своего рода программным для лидеров страны в нынешнем столетии. Политологи делают упор на то, что в отличие от Латинской Америки, экономическое развитие Азии тесно связано с демократизацией, и так называемые “азиатские тигры” – Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг – самое убедительное тому подтверждение.

Говоря о демократизации как о цели японской внешней политики, следует все же несколько критически подходить к официальной риторике. Япония на протяжении последних десятилетий демонстрировала толерантное отношение к нарушению прав человека в странах, с которыми развивала торгово-экономические отношения. При принятии решения о помощи или сотрудничестве для Токио наиболее важную роль играла политическая стабильность в государствах-реципиентах.

¹⁷Син кокусай сисутэму токубэцу пуродзэкуто (См.: Специальный проект по новой международной системе) / Под ред. Х. Сато. Цукуба, 1997. Ч. 1. С. 11–13.

¹⁸См., например: Japan's International Relations. London, 1991. P. 183.

Роль Японии в формирующемся новом мировом порядке, довольно единодушно утверждают японские политологи, должна оцениваться исходя из объема помощи развивающимся странам региона. Влияние Японии как донора финансов и абсорбента импорта из стран Азии, очевидно, будет возрастать параллельно со свертыванием роли США. Число “стран, которым нечего терять”, будет уменьшаться за счет “стран, которым есть что терять”, то есть государств, оценивших все преимущества высокого уровня экономического благосостояния. В этой ситуации задача Токио видится в “содействии развитию мировой и региональной свободной торговли”. Политологи указывают на необходимость для Японии играть в регионе роль, максимально сопоставимую с ее экономическим и финансовым весом. Судя по всему, этот фактор и начинает входить в разряд наиболее существенных для закрепления новой идентичности страны, несмотря на кризисные явления в экономике.

Курс на закрепление донорства в качестве одного из важнейших внешнеполитических принципов проявляется в том, что Япония стала более уверенно субсидировать формирование современной инфраструктуры в развивающихся странах и финансирование экологических мероприятий в рамках программы Рио-де-Жанейро. В декабре 1997 г. на конференции в Киото Япония сыграла ключевую роль в формулировании задач мирового сотрудничества по преодолению губительных последствий парникового эффекта. Среди множества других мер, Япония взяла на себя бремя субсидирования дорогостоящих поставок экологических технологий в Мексику и Китай. С точки зрения самоидентификации, принципиально важно, что экологическая составляющая внешней политики Японии не только сохранится, но и будет укрепляться далее.

Пожалуй, можно полностью разделить опасения Сигэки Хакамады: “Когда в XXI в. развивающиеся страны захотят иметь столь же высокий жизненный уровень, что развитые страны, наступит мировой энергетический кризис, и энергетическая политика превратится в вопрос стратегической важности”¹⁹. Уникальный опыт Японии в области ресурсо- и энергосбережения тогда будет востребован в максимальной степени. Судя по той активности, которую проявляет Япония сегодня в деле продавливания протокола Киото, она похоже, вполне осознает необходимость готовиться к роли экологического донора. Во всяком случае, дискуссии по этому поводу идут весьма активно.

¹⁹С. Хакамада, К. Мори, Х. Вада. Рэйсэнго. Тохоку Адзиано тиики тицудзэ (После холодной войны. Региональный порядок в Северо-Восточной Азии) // Сэкай. 01.01.1988. С. 123.

Можно также со всей определенностью предвидеть возрастание доли азиатских стран в японских торгово-экономических контактах. Согласно оценкам компании “Тоё кэйдзай симпося”, в течение последнего десятилетия японские фирмы открыли более 400 представительств в азиатских странах по сравнению с почти вдвое меньшим числом за пределами азиатской зоны.

Достаточно четко вырисовывается и укрепление позиций Токио как посредника между Азией и Западным миром. Однако в японском общественном мнении есть некоторые колебания: растет убеждение, что Токио еще надо заслужить право представлять интересы стран Азии в международных отношениях, особенно в Северной Америке и Европе. Весьма вероятно, указывают некоторые японские эксперты, что возрастет значение Японии как эффективного посредника в китайско-американских отношениях. Очень возможно, на данном поприще Японии сможет преодолеть имидж “меркантильной страны”. Китай, как считают японские эксперты, сохранит высокие темпы экономического роста и будет последовательно продвигаться к политическим свободам²⁰.

Своего рода апробирование японской роли в АТР состоялось во время встречи лидеров региона в Богоре (Индонезия) в 1994 г. Тогда Вашингтон отстаивал примат принципа свободной торговли и институционального подхода, а страны Азии стремились закрепить более гибкий традиционный для этих стран подход, основанный на консенсусе. Задача Токио состояла в том, чтобы найти способы примирения этих позиций. В результате посреднических усилий Токио при содействии Индонезии удалось убедить азиатские страны принять гибкую концепцию достижения свободной торговли к 2010 г. для индустриальных стран и к 2020 г. для развивающихся экономик. Япония оказалась способной действительно использовать свою принадлежность к различным группам государств. Этот результат вряд ли стоит приписывать лишь дипломатическому маневрированию. У японцев действительно начинает складываться более прочное самоощущение принадлежности к Азии и формироваться новая парадигма регионального лидерства.

* * *

Трудно найти общий знаменатель для развития многополюсного мира в XXI в., как рано пока говорить о новой японской идентичности и о новой внешнеполитической стратегии Японии как о чем-то отлитом в строгие формы. Для японской внешнеполитической мысли характерны поиски новых формул. Во всяком случае размышления

²⁰См.: Син кокусай сисутэму... С. 14–16.

японских политологов об “эпохе после гегемонии США”, решительные шаги кабинета Дзюнитиро Коидзуми наводят на мысль, что японская политическая элита готовит концептуальный прорыв, задумываясь над ролью страны в мире. Однако традиционная ограниченность полномочий кабинета, а также ослабление позиций Коидзуми и усиление межфракционной борьбы в японском истеблишменте подрывают и позиции правящей коалиции. Все это уменьшает шансы на скорые изменения японского внешнеполитического курса. Перспективы обновления опять оказываются довольно зыбкими и неопределенными. Тем не менее, принимая во внимание переломный характер момента, японской элите все равно придется решать назревшие вопросы и вносить серьезные поправки во внешнеполитический курс.

Сила и слабость японских концептов модернизации – уникальная способность не обращать внимания на сочетание элементов, которое западное мышление считает структурно базовыми. Японское мышление способно органически сочетать вертикальные и горизонтальные структуры, иерархию и эгалитаризм, капитализм и бесклассовость, экономику и культуру.

Эти аргументы дают основания полагать некоторым японским политологам, что именно Япония наиболее приспособлена к глобализации и играет первую скрипку в глобализационных процессах. Например, профессор Промышленного университета Кюсю Сигэюки Ито утверждает, что мировая система все более удаляется от ценностей индивидуализма и приближается к универсальным ценностям. По мнению ученого, японцы обладают универсалистским мышлением, а американцы – крайние индивидуалисты. Поэтому, по

его мнению, последствия глобализации будут более болезненны для США, нежели для Японии²¹. В рамках этой теории провозглашается, что Япония станет источником и провозвестником новой универсалистской цивилизации. Эта теория очень симптоматична. Существует и прямо противоположная точка зрения, которая представляется нам не менее обоснованной. Ряд японских ученых рассуждает о Японии как о стране, “бедной привлекательными и универсалистскими идеями”²².

Универсализм японского политического мышления заключается, на наш взгляд, в способности синтезировать, тогда как американский тип мышления основан, прежде всего, на анализе. Опасность подобного универсализма заключается в смешении понятий. Конечно, не хочется напрочь отвергать доводы японских политологов-универсалистов. Вместе с тем, видимо, японские политологи, которые защищают подобную точку зрения, скорее всего, заблуждаются, поскольку в “глобализационном проекте” под универсальными ценностями чаще всего подразумеваются американские ценности.

Японская идентичность, благодаря уникальной способности к адаптации, очень возможно, выдержит и новое нашествие американских ценностей. “Выдержит” в том смысле, что приспособится к ним, органично впитает их в себя. Вопрос, однако, в том, насколько будет возможно называть конечный результат “японской цивилизацией”? Не исчезнет ли вообще *Nipponia* как отдельная цивилизационная модель?

²¹См.: Ито С. Нихон-кара-но атарасий буммэй-но нами (Волна новой цивилизации, исходящая от Японии). Токио, 1995. С. 159–160.

²²Син кокусай сисутэму... С. 17–20.